

Ирина Ю. Станковская

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Сборник рассказов

Ирина Станковская

**Фантастические приключения.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

2015

Станковская И. Ю.

Фантастические приключения. Сборник рассказов /
И. Ю. Станковская — «Издательские решения», 2015

Автор приглашает в мир фантастических приключений сквозь время и пространство. Много трудностей придется преодолеть героям, не все выйдут из испытаний с честью. Но разум и добрая воля побеждают, несмотря ни на что.

Содержание

Камни	6
Кошурочка, или Кошачья работа	9
К началу времён	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Фантастические приключения
Сборник рассказов
Ирина Ю. Станковская

© Ирина Ю. Станковская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Камни

Тогда в Испании правили Фердинанд и Изабелла, пышно цвели розы в садах Альгамбры, а народ всем прочим развлечениям предпочитал аутодафе.

На окраине Севильи, в квартале Триана, стояла кузница, в которой работал Хосе Здоровяк, а на другом берегу Гвадалквивира, в центре города, держал ювелирную лавку Бартоломео Перес. Самые щеголеватые кавалеры и самые красивые дамы заказывали искусному ювелиру украшения. И не было случая, чтобы его работа не понравилась высокородным клиентам, поэтому платили ему щедро и, что главное, в срок. И пришел как-то к Пересу молодой идалго, недавно приехавший ко двору и желавший отличиться и завоевать благосклонность прекрасной донны Бланки. Стал он рассказывать ювелиру о кольце, которое хочет подарить девушке, а тот выслушал и заметил с улыбкой:

– Вы, несомненно, заслужите любовь вашей дамы, если подарите кольцо в её вкусе. Не хочу перечить вашему желанию, но опишите мне даму вашего сердца и, может быть, мы придумаем для неё что-то особое!

Идалго нахмурился, но Перес был так почтителен, что он решил послушаться и описал внешность и характер донны Бланки.

– О, для такой дамы действительно нужно постараться! – склонился в поклоне ювелир. – Мне недавно доставили партию великолепных драгоценных камней, ни у кого в Севилье не будет столь изысканного кольца!

Он достал мешочек и высыпал перед идалго изумительные сияющие бриллианты, кроваво-красные рубины, небесно-голубые сапфиры и зелёные, как трава, изумруды.

– Поскольку донна Бланка – фрейлина нашей благочестивой королевы, то я бы рекомендовал вам купить у меня прекрасный изумруд и при случае преподнести его Её Величеству, – сказал Перес, – вы видите, подобная огранка – редкость, я сам её придумал. Негоже даже такой очаровательной девушке иметь кольцо, которое затмит драгоценности милостивой королевы.

Идалго был раздосадован, что ювелир точно угадал имя красавицы, но счёл нужным последовать и этому совету.

Когда кольцо было готово, он не скупясь заплатил Пересу и купил для королевы прекрасный изумруд с необыкновенным голубоватым отливом. Донна Бланка пришла в восторг от подарка, и ее родители вскоре дали согласие на брак со щедрым и родовитым поклонником.

Окрылённый любовью идалго попросил об аудиенции у Изабеллы и был милостиво допущен к королеве.

Изабелла Кастильская приняла юношу церемонно, но мило. Она обожала вышивать и не выпустила из рук иголку и пяльцы. Прижав руку к сердцу, идалго горячо благодарил Её Католическое Величество за самый лучший цветок в королевском саду – за прекрасную чернокудрую донну Бланку. Изабелла слегка улыбалась и кивала. Придворные дамы бросали на смущённую донну Бланку завистливые взгляды. Под конец речи идалго достал великолепный камень и преподнёс королеве. Изабелла даже вышивку отложила. Она взяла изумруд и стала рассматривать его с притворным равнодушием. По комнате пронёсся восторженный вздох.

– Ваше Величество, он совершенно под цвет ваших глаз! – воскликнула одна из приближённых фрейлин.

Изабелла сама заметила это и благосклонно взглянула на идалго:

– Мы принимаем ваш подарок, – сказала она доброжелательным тоном, – камень очень необычно огранен. Чья это работа?

– Этот изумруд я нашёл у ювелира Бартоломео Переса. – почтительно отвечал юноша. – Я сразу подумал о том, что он пойдет к вашим золотым волосам и глазам зеленовато-голубого цвета...

Такая фамильярность королеве не понравилась, но, видя, что юноша смешался, поняв свою ошибку, Изабелла решила положить конец аудиенции и ласково распрощалась с идалго.

Выпроводив фрейлин, королева позвала верного слугу и сказала ему:

– Я думаю, тебе знаком ювелир Бартоломео Перес. Я о нем забыла, но сегодня мне напомнили, что его лавка ещё существует.

– Ваше Величество, он настоящий мастер, этот Перес. Кто ж его не знает?!

Изабелла встала и заходила по комнате решительными шагами.

– Завтра его арестуют, – сказала она, наконец, – мне, конечно, не хочется этого делать, но я – всего лишь скромное орудие Господа в моей стране.

– Я могу идти? – спросил старый слуга, видя, что королева не собирается продолжать свою мысль. Он знал повелительницу ещё девочкой и мог позволить себе иногда нарушить этикет.

– Иди, – сказала Изабелла.

После его ухода она снова взялась за вышивку. Отныне судьба ювелира в руках Божьих. Королева делала так всего несколько раз. Она спасла несколько симпатичных ей людей, но беспретпетно обрекала на ужасную смерть сотни других. Иногда ей не хватало их мудрых советов, а некоторые когда-то были её близкими друзьями. Но единство Испании должно покоиться на единой вере. Так будет и впредь! И вчерашние друзья в сравнении с великой целью – ничто. Задумавшись, она укололась, и капля крови повисла над вышивкой. Королева быстро поднесла палец ко рту и слизнула рубиновую каплю.

– Кровь портит вышивку, и поэтому мы очищаем души огнём, – подумала она, поглядывая на лежащий на столе изумруд. Закатное солнце окрасило камень алым.

Поздней ночью в дверь скромного дома Хосе Здоровяка тихо постучали. Хосе встал и впустил неожиданных гостей.

– Здравствуй, Барух, заходите! – сказал он. Бартоломео Перес и его домочадцы вошли и присели на деревянную лавку, на которой обычно дожидались исполнения срочного заказа клиенты.

– Ко мне приходили и сказали, что завтра меня заберут, – начал Бартоломео Перес, – я не буду утомлять тебя подробностями, но, зная твою честность и порядочность, прошу об одном – мой младший сын Пини тяжело болен и не вынесет долгого пути...

Тут послышались тихие всхлипывания. Это плакала женщина с ребёнком на руках, несчастная жена Переса.

– Хорошо, – просто сказал Хосе Здоровяк, – я могу тебе помочь ещё чем-то?

– Мы едем очень сложным путем, в конце концов, я надеюсь добраться до Антверпена, – ответил ювелир. Он достал несколько туго набитых мешочков и положил перед кузнецом.

– Я не хочу быть неблагодарным, Иосиф, – произнёс он, – мы виноваты перед тобой. Передай жене, что мы глубоко сожалеем. Среди христиан тоже есть хорошие люди.

– Не надо денег, – сказал кузнец, – для маленького птенчика в гнезде еда найдется.

– Нет, надо на лечение и содержание, – вздохнул Перес, – кто знает, увидимся ли мы ещё. Может быть, весь этот ужас скоро кончится, и мы вернёмся. Я люблю Севилью...

– Ты же умный человек, – ответил на это Хосе.

Мужчины молча обнялись. Жена ювелира со слезами на глазах отдала малыша, и они покинули дом кузнеца.

Со второго этажа в длинной белой сорочке спустилась жена Хосе Руфина. Всё это время она простояла в темноте, слушая мужской разговор. Руфина подошла и взяла у мужа спящего ребенка.

– У него жар, сейчас я покажу его маме, – озабоченно заметила она, приложившись губами к лобу мальчика, – лечение нужно начать как можно скорее.

– Он извинился, – сказал Хосе, ласково проводя рукой по распущенным белокурым волосам жены.

– Но ведь ты женился на христианке и принял чужую веру, – покачала головой женщина, – трудно за это осуждать!

Она с ребёнком на руках подошла к очагу и, обернувшись, добавила:

– Твоя община поступила плохо, жестоко и несправедливо. Но они же не убили тебя за отступничество. Я помолюсь святым Юсте и Руфине о здравии приёмьша. Говорят, гонимая лавка их отца когда-то находилась здесь, в Триане. Я уверена, великомученицы попросят Божьей милости для своих соседей!

– А добрые христиане нас с тобой только терпят, – грустно засмеялся Хосе, – ну ничего, придумаем что-нибудь!

Прошло почти двадцать лет. Хосе и Руфина с тремя детьми перебрались в Южную Италию, а оттуда – в благословенную Венецию. Удача сопутствовала семье во всех делах. Чужеземные языки давались им с необыкновенной лёгкостью. Казалось, добрый поступок, совершённый когда-то, озаряет их жизнь путеводной звездой. Хосе, известный в Венеции как Джузеппе Фаббри, уже не мог выполнять тяжёлую работу, и сыновья Хуан и Педро-приёмьш, звавшиеся на итальянский манер Джованни и Пьетро, помогали ему в кузнице. Они обзавелись собственными семьями, но по-прежнему нежно заботились о родителях. Дочка, самая старшая, вышла замуж за состоятельного купца и родила двоих детей. И именно ради младшего её ребёнка, одним промозглым зимним вечером, братья Фаббри переплыли канал на лодке, вошли в еврейское гетто и постучались в дом одного из лучших врачей Венеции.

– Четыре месяца? Какие симптомы? Что давали? – спросил доктор, серьёзный бледный мужчина лет тридцати пяти, спешно собирая необходимые вещи в богато и со вкусом обставленной комнате, являющей неожиданный контраст с узкими тёмными улочками и невзрачными домами еврейского квартала.

Молодые люди взволнованно объяснили ситуацию. Врач покачал головой и заторопился.

Провожать его вышел седой как лунь старик в тёплом халате и домашних туфлях. Отвлекая посетителей от мрачных мыслей, он попытался их разговорить.

– Какой красивый меч, – сказал он, указывая на оружие, принадлежащее Пьетро-приёмьшу. Меч находился в ножнах, но эфес и рукоятка поражали благородной красотой и изяществом чеканки.

– Его выковал мой отец Джузеппе Фаббри, – немного успокоившись, с гордостью воскликнул Пьетро, – он лёгкий и удобный. Мне предлагали за этот меч хорошие деньги, но он не продаётся!

Молодой человек вытащил оружие из ножен, и, держа за лезвие, осторожно подал старику. Крошечными яркими молниями сверкнули драгоценные камни, прочно вделанные в эфес.

– Моя огранка! – старик вдруг поднес меч к глазам и прищурился. – Я обработал так всего несколько камней. И камни эти мне знакомы.

Меч выпал из рук Бартоломео Переса. Он растерянно посмотрел на Пьетро, потом на Джованни.

– Мы искали, узнавали через знакомых, – сказал Пьетро тихо, – но в Антверпене о вас никто не слышал. А потом и нам пришлось бежать.

Хладнокровный лекарь быстро оценил обстановку. Он довёл старика до кресла и бережно усадил.

– Остайся с отцом, – обратился он к Пьетро, – а мы поспешим спасти нашего племянника. Знаешь, не буду себя хвалить, но твой старший брат – почти волшебник!

Кошурочка, или Кошачья работа

Мать Кошурочки была благородного происхождения, а вот за отцом не проследили, убежала однажды кошечка. Из всех беспородных котят Кошурочка дольше всего побыла с матерью. Та часами вылизывала бело-серый пятнистый комочек, напевала колыбельные, учила понимать язык хозяев. Те приходили, умилялись, а старая хозяйка говорила напевно: «Ах, кошурочка, кошурочка». Раньше так никто ее не называл. А кличка понравилась. И теперь для всей семьи она была Кошурочка, загостившаяся кошечка.

Но настал час расставания: к хозяевам пришли двое – муж и жена, искали игрушку-компаньонку для сына-подростка. Мать замыкала жалобно, схватила дочку, затащила в домик. Пришла старая хозяйка: «Ой, не плачь кисонька, в хорошие руки отдаем!» Вытащила из домика, поднесла гостям.

Руки у новых хозяев были теплые, добрые. Кошурочка сморщила носик, обнюхала.

– Ну вот, – сказала новая хозяйка, – будет Тёмочке радость!

Тёмочка на Кошурочку взглянул, пробормотал что-то и пошел к компьютеру, в войнушку играть. Часами сидел, сгорбившись, а родители думали, кошка отвлечет, заманит мяуканьем, прельстит шелковой шерсткой. Приходил из школы, не кормил, не разговаривал. А Кошурочка старалась понравиться, угодить, из школы встречала, бежала к двери радостно. Один раз Тёмочка рассердился, хотел кошку пнуть – вот, приставучая тварь, под ногами вертится! Кошурочка больше его не встречала, а старалась корм, который с утра хозяева давали, куда-нибудь припрятать, чтобы днем не голодать.

Хозяева ничего не знали, они Кошурочку полюбили, но времени на нее мало было. Сыну родному все-таки больше забота нужна. Тёмочка стал днем друзей приводить: дымили противным дымом приятели, пили что-то из металлических банок. Но родителей еще боялся, к их приходу все оболтусы из квартиры выметались и мусор выносили. А так вообще свинарник был, Кошурочка впервые тогда тараканов увидела. Они по кухне бегали, хохотали нагло. Думали, робкая кошка, запуганная, не будет с ними воевать. Даже в корм Кошурочкин залезли, глумились. Она тут же нескольких агрессоров поймала, пристукнула. «Эй, ты, полегче! – ей один от плинтуса крикнул. – Всем места хватит. Корм твой трогать не будем. Только не надо хозяйские вещи защищать, им на тебя плевать!»

Родители верили, что кошечка нормально питается, даже не глядели, что и как с кормом. Кончится, новый покупали. Кошурочка понимала, что у них другие дела, но грустно и обидно было, зачем тогда из-под материнского бока увели?!

Тёмочка все хуже и хуже делался. Когда друзей не было, сидел перед экраном, иногда часами – челюсть отвислая, взгляд мутный. Кошечка с ним старалась не общаться. Однажды она на кухне на стуле сидела, а Тёмочка вошел с приятелем. Оба чем-то противным пахнут, хихикают. Тёмочка в руках пузырек держит, а друг его с зажигалкой рядом трется. «Ну-ка, иди сюда, сейчас устроим охоту на ведьм!» – ласковым голосом Тёмочка говорит. А приятель деловой, серьезно так заявляет: «Надо ее в большую миску положить или на противень! А то потом пепел не соберем!»

Они-то не знали, что Кошурочка их язык понимает, поэтому думали, дурочка на сладенькую интонацию купится. Но не тут-то было! Кошурочка, благо окно было приоткрыто, на подоконник скакнула, в щель худенькое тельце просунула и с третьего этажа вниз!

Они окно распахнули, что-то кричали, но Кошурочка уже не слышала, так бежала, сердечко из груди чуть не выпрыгнуло. И понимала она, нет назад дороги. Родителям Тёмочка опять что-нибудь наврет, и будет Кошурочка дикарка виноватая.

На улице тепло, хорошо было, погожие осенние денечки. Кошурочка душой оттаяла, даже с листиком кленовым поиграла, а потом пошла разведывать окрестности, что и как.

Прибилась она скоро к стае, которая на большой свалке обитала. Верховодила там старая кошка, тоже когда-то хозяйская, из беглых. Кошечка вроде небольшая, но взгляд такой, что насквозь прожигает. Диной ее звали. Она уже не шибко бегала, но все перед ней трепетали, даже кормом делились, вот такая кошка авторитетная. А она советы разные молодым-зеленым давала. Где лучше еды найти, как с людьми не ссориться, школа выживания вроде. Кошурочку она полюбила, и та у нее на побегушках была. Она же бело-серенькая, умильная, а глазки голубые. «Ой, какая сиамошка!» – люди говорили, и что-нибудь иногда за красоту ей перепадало.

Вскоре ухажер у Кошурочки появился. Она его про себя Мурзиком назвала. Красивый, рыжий, морда в шрамах. Любил подраться, даже не за кошку, а просто так, для куража. Но Кошурочка себя с ним строго держала. И было почему. Увидела она как-то на свалке кота – черный, здоровенный, глаза зеленые так и сверкают. Говорили, бандит он и отчаянный котяра. Кошурочка слушала, а сердце тук-тук-тук, прыгает, как сумасшедшее. Кот этот в другом месте жил, но охотился везде – о нем легенды слагали – он де и на рынках разбойничает, и даже несколько раз магазин огромный грабил. А уж палатки всякие продуктовые для него плевое дело было раскурочить. Поэтому всегда сыт и весел, шальной кот, геройский. Даже Мурзик его избегал, против черного вдвое меньше казался. И случилась у Кошурочки с ним любовь. Она особо нежничать боялась, новый друг сюсюканья не любил. Про себя назвала его Кошурочка Мьявсиком. Если бы узнал – надавал бы ей по мордочке, такой суровый кот!

Котят у нее почему-то не родилось, но Мьявсик вроде к ней привык, часто заходил. С бандитских налетов ничего не приносил, но Кошурочке и не надо: «Вот какой, строгий он у меня», – думало нежное сердце.

Но Мьявсик никогда с ней не оставался, всегда уходил к вечеру. Дина его не любила, предостерегала: «Несерьезный он, не пара скромной кошечке».

И Мурзик к Кошурочке как-то подошел, понаушничал: «Эй, белянка-серебрянка, ты на него не надейся, он такой, да у него в каждой подворотне по зазнобе! И я могу тебе еще не такое рассказать!»

Кошурочка посмотрела строго: «Чтобы я больше от тебя ничего не слышала!»

И ушел Мурзик не солоно хлебавши.

Но время быстро летит. Зима уже на носу, вечера темные, так хочется к теплому черному боку ночью прижаться: защитник любимый! Кошурочка вся измаялась, похудела, осунулась, глаза на полмордочки стали от терзаний. Сама к Мурзику подошла: «Что ты там про черного моего знаешь?»

Мурзик на нее поглядел: уже и совсем неинтересная стала кошка, озабоченная какая-то, взгляд ищущий. И у него к тому времени подружка появилась, такая же рыжая и нахальная. Зачем теперь в дела черного лезть, тем более, скоро зима, при его семейном положении осторожней быть надо. Он головой покрутил: «Не, голубоглазка, ничего не знаю, не помню!»

Кошурочка решила тогда за героем своим проследить. И страшно, вдруг застучает, но ревность ее обуяла. Она вообще-то тихая и скромная, но свое не отдаст!

Вечером попрощалась она с милым Мьявсиком, выждала немного и за ним вдогонку. Мьявсик черный, в темноте только Кошурочке его и видно. Быстро-быстро бежал любимый, запыхалась кошечка. Но тут Мьявсик у высокого дома остановился и в окно первого этажа забрался. Кошурочка хотела его предупредить: куда грабить полез, свет горит, люди дома, но Мьявсик уже внутри исчез. Кошурочка осторожно за ним вскарабкалась и сквозь стекло глянула.

Стоит посреди комнаты женщина с серебристыми волосами, совсем старенькая, а на руках у нее герой мурлычет.

«Черныш, Черныш, – бабулька его гладит, – ты надолго так не уходи, ко мне племянники приезжали, вкусную рыбку привезли!»

Кошурочка чуть вниз не свалилась. Значит, враки все, кот ее отважный у старушки кормится, а никаких грабежей и нет. Она сначала рассердилась за обман, но потом даже умилилась: вот какой Мявсик трогательный, душа добрая, старушку радует.

Она Мявсику ничего не сказала, но тот что-то почувствовал, стал с ней ласковее. А Кошурочка повадилась к окошку тому вечерами приходиться и на любимого глядеть.

Но счастье недолго продолжалось. Как-то не пришел Мявсик, а Кошурочка встревожилась и навестить его решила. Залезла на окошко, а там Мявсика не видать, чужие люди. Некоторых она уже знала: племянники старухины.

«Бедная тетя Лена, – племянница плачет, – хоть завещание дельное оставила. Теперь сядемся и ту хорошую квартиру получим».

«Надо с Чернышем что-то делать, – племянник говорит, – выпускать его с пятого этажа нельзя. Кастрировать придется, чтобы не бегал».

Кошурочка аж ахнула по-человечески. По карнизу осторожно прошла, смотрит, кухня, а на кухне на подоконнике Мявсик сидит. У самой щели: сделали племянники такую щель, что и не пролезть.

«Дорогой, я все знаю! – кошечка к нему сквозь щель лапки протянула. – Бежать тебе надо, они знаешь, что с тобой сделают?» И все любимому рассказала. Мявсик сгорбился, усы поникли: «Да знаю, – отвечает, – но куда я денусь. Привык я к домашнему уюту. А племянники люди добрые, заботливые. Всегда сыт буду!»

Кошурочка лапой щеколду нащупала, подвернула, и окно шире приоткрыла: «Бежим, милый, бежим, как же ты без свободы? А как я без тебя?»

Мявсик поглядел на подружку, фыркнул раздраженно: «Ты только о себе и думаешь, эгоистка! Я кот не уличный, а комнатный, не чета вам, плебеям! И операции сейчас без боли делают. Хозяйка моя экономная была, ветеран войны с хорошей пенсией... И муж ей наследство оставил. Так что племянники очень довольны, за все заплатят!»

Кошурочка всхлипнула, а Мявсик ее лапой к окну подтолкнула: «Иди, иди, и прости за все! Я скоро уеду, так что не приходи больше!»

Кошечка сама не помнила, как на земле очутилась. И поплелась, куда глаза глядят. Снег с дождем пошел, лапы грязные и мокрые сделались, а Кошурочка идет и не видит ничего вокруг. Когда опомнилась, совсем другое место, незнакомое. И как к свалке пройти, спросить не у кого. Подошла она к старой ржавой трубе и в ворох мокрых листьев забилась. А снег падает и падает. И снится Кошурочке, что летит она по голубому небу, ног не чуя. И солнышко светит, и мамин теплый язык ее по шерстке гладит, согревает. И летит она, летит, и все теплее и теплее. И слышит она сквозь сон голос: «Ого, какая кошечка славная!»

Кошурочка вздрогнула, пробудилась. Над ней рыжая собачья морда склонилась, глаза янтарные близко-близко сверкают, а розовый язык ей спину вылизывает.

Вскочила кошечка, зашипела, а голос добрый ей сверху говорит: «Не бойся, Кошурочка!»

Мужчина с собакой ее нашли, догадалась Кошурочка. Но откуда он мое имя знает? Вроде старик, но и не старик. Голова седая, а глаза ясные. Зоркие. С тросточкой сам. А собака мохнатая, рыжая, морда приветливая. Так мысли у кошечки в голове бегают.

«Везет тебе, кисонька», – мужчина Кошурочку на руки взял, за пазуху в тепло сунул.

И ступает он бодро по улице, палочкой постукивает, а рыжий пес рядом вьется, хвостом дружелюбно машет.

А навстречу им мальчонка с родителями идет. Ребенок их увидел, заканючил: «Ма, а, ма, я тоже такую палочку хочу!»

Кошурочка головку повернула и видит: стучит ее спаситель своей тросточкой, а от нее легкие искорки сыпятся, как будто волшебство какое.

«Баракло китайское, – папа буркнул, – неизвестно, из чего сделано!»

А мать утешает сыночка: «Пойдем в выходные в магазин, еще лучше купим!»

Кошурочка на старика взглянула, а он только улыбнулся и подмигнул.

Жил новый хозяин в однокомнатной квартире. Тесновато, но уютно. Собаку Джеком звали, вот добрейшая душа оказался! Кошурочка успокоилась, поела и немного помурлыкала – знала, людям это нравится.

А старик ее на колени взял, погладил и говорит: «Повезло тебе, Кошурочка, сколько ты всего перенесла, а жива-здорова. Это от твоей бабки Синеглазки счастье перепало. Хорошая кошка была, но за любовь от меня убежала... Эх, потом, наверное, стыдно возвращаться было... Гордая она была...»

Кошурочка при этих словах мурлыкать перестала и на него изумленно поглядела.

«Да, да, жила здесь твоя бабка. Красавица и умница, беленькая с серыми пятнышками. Ты вылитая она... так похожи!»

Старик погрустнел, потом говорит: «Я тебя держать не буду, гуляй, сколько хочешь... И котят пристроим, если что...»

Кошурочка тут же про милого Мясика подумала, вот бы им вместе новую жизнь у доброго хозяина начать, но старик ее мысли прочитал и говорит: «За Мясика не переживай, он уже все решил, ты только хуже сделаешь. Упустил он свой шанс».

Кошурочка вздохнула, и тут ей так спать захотелось, что прямо на руках у старика в сон провалилась. Тяжелый день выдался!

Так Кошурочка у старика осталась. С Джеком подружилась, он с ней по квартире наперегонки бегал, вылизывал, согревал. Хозяин как-то обмолвился, что трудной судьбы собака. И Кошурочка за Джека порадовалась: нашел он тихую пристань. Старика Иваном Михайловичем звали. Гулял он много, свежим воздухом дышал, Кошурочка особо за ним не следила. Знала, на пенсии старик, но к нему часто по делу люди и звонят, и заходят. Кошурочка поняла, что он вроде за небольшие деньги жизни учит. Но странно очень. Приходит к нему бывало кто-то со своей проблемой, а Иван Михайлович все выслушает, а потом сам спрашивает: «Так что делать будете?» Человек ему отвечает, и только тогда старик совет дает. Короткий, короче некуда: или «да», или «нет». Кошурочка слышала, что в городе его Данетычем зовут. Многие его гости обижались, что так мало сказал, но потом звонили и благодарили некоторые.

Гуляла кошечка теперь свободно, на свалку часто забегала, Дину старенькую навещала. Новые коты уже к ней не так душевно относились. Мурзик, правда, заступался. И рыжуху свою настроил старушке помогать. Дина двигалась теперь мало, шла, волочила задние лапы. Кошурочка тоже старалась что-нибудь наставнице от хозяина притащить. Тот словно знал, когда она на свалку соберется, и всегда двойную порцию корма оставлял. Соорудил Кошурочке вроде рюкзачка, она, умница, его лапкой открывала и еду перед Диной высыпала. Та только головой крутила: вот с хозяином Кошурочке повезло! И после каждого такого обеда у Дины лапы лучше ходили.

Так несколько лет прошло, Дина умерла спокойно от старости, но Кошурочка все-таки свалку не оставляла. У Мурзика с рыжей постоянно котята рождались, так она в их семью корм носить продолжала. Про Мясика она больше не слышала. Как-то подошла к дому, на окно вспрыгнула, а там шум-гам, бегают дети, взрослые кричат, как будто на рынке оказалась. И следов от старой хозяйки не осталось, что там от какого-то кота, хоть и любимого.

Однажды осенью со свалки Кошурочка поздно шла, слышит вдруг, каблучки ей вдогонку быстро стучат. Обернулась – девушка миленькая, вся беленькая, юбочка коротенькая. Девушка кошечку догнала и как-то р-р-раз, и Кошурочка у нее на руках оказалась. «Сиамоочка, красавица, – девушка щебечет, – что же ты по улице бегаешь, потерялась?» Девушка ее за пазуху уютно пристроила, думала, доброе дело сделала. Кошурочка решила немножко погреться, а потом сбежать, но как-нибудь осторожнее, чтобы хорошего человека не обидеть.

И тут девушка вдруг приостановилась говорит: «О, Тёма, куда это ты?»

«Да так, гуляю», – Кошурочка задрожала как лист осиновый – признала изверга Тёмочку по голосу.

«А ты сама откуда?» – спрашивает Тёмочка.

«Из музыкалки, – девушка говорит, – скоро выпускные, в консерваторское меня готовят».

«А, консерватория, – Тёмочка захохотал неприятно, – консервы я люблю!»

Тут вдруг девушка вся задергалась: одной рукой Кошурочку держит, другой от Тёмочки отбивается.

«Да ты что? Ты с ума сошел! Убери нож!»

Она еще что-то кричала, и Кошурочка вдруг запах крови почувала. И такая злость на нее накатила, что все страхи забыла и из-за пазухи стрелой выскочила и прямо в морду ненавистную когтями вцепилась.

Заорал Тёмочка, заверещал пронзительно, а девушка побежала, так по звуку каблучков Кошурочка поняла. И что интересно, Тёмочка даже ударить Кошурочку не сумел. Вот что значит эффект неожиданности!

Кошурочка дождалась, когда девушкины каблучки затихнут, от врага отцепилась и деру! Прибежала домой, а старик с Джеком перед подъездом гуляют, ждут, волнуются.

«Ну, ты прямо Немезида! – хозяин смеется. – Думаю, Тёмочка очень скоро получит, что заслужил. А ты молодец, спасла девушку».

«Жалко его родителей, – Кошурочка вздыхает, – они меня не обижали».

«Добрая ты душа, – хозяин кошечку по голове погладил, – добрые они-то добрые, но такой доброты лучше не надо. Могли своего сыночка лучше воспитывать, была, была возможность!»

А через несколько дней хозяин говорит Кошурочке: «Ну, все, закончил я свои дела, долго тут проживал, пора уже в дорогу!»

Кошурочка расстроилась, не хочется расставаться, а хозяин говорит задумчиво: «Нашел я твою бабушку Синеглазку, знаешь, куда ее судьба занесла? В Австралию! Все-таки везение у вас в роду. Подобрали твою бабушку муж и жена, инженеры без гроша за душой, и вскоре по работе к коалам и кенгуру поехали. Видать, и им от моей кошки удача перепала. Взмахнул старик палочкой, искорки вокруг нее заплясали, и видит Кошурочка садик зеленый, на ветвях разноцветные птицы перекликаются, а у кадки с яркими цветами сидит красивая кошечка и на нее смотрит. «Привет, внучка, – кошка мурлычет, – прав наш общий друг, похожи мы с тобой!»

Кошурочка моргнула, вежливо поздоровалась и поняла вдруг, что хоть и мила, и красива ее бабушка, но говорить им не о чем, совсем не знает она ее, лучше бы с родной матушкой увидеться! И решила про себя, что обязательно старый дом свой найдет.

Синеглазка все заметила и ласково сказала: «Внученька, рада была тебя повидать и в гости в любой момент жду! Не сейчас, так когда-нибудь... У нас с тобой девять жизней, как и положено!»

Распрощались они, и вышел Иван Михайлович с Джеком во двор.

«На хозяйстве останешься? – спрашивает. – Только на тебя и надеюсь. Думал, кого-то из людей найду, но не судьба. Кошачья эта должность! Ты только делай, как считаешь нужным. Каждый по-своему себя проявляет».

Он все подробно Кошурочке рассказал, та удивлялась, но внимательно слушала, кивала с умным видом.

«Ну что же, пора в Австралию!» – вздохнул хозяин. Хоть и печально сказал, но мысли уже о встрече с Синеглазкой, любому видно!

Он тросточкой взмахнул, искорки блестящим облаком его и Джека накрыли, и вот, нет никого во дворе, только палочка лежит. В последний момент успела заметить Кошурочка, что силуэт рядом с Джеком уже не Ивана Михайловича, а что-то вроде кота огромного. Кошурочка

до палочки дотронулась, земля под ней качнулась. Шатаясь, с палочкой в руках в дом побрела, улыбка на губах растерянная. Слышит вдруг, бежит за ней кто-то. Оглянулась – фифа накрашенная, белые кудри по плечам прыгают: «Данетыч, миленький, помоги!»

И с тех пор пошел по городу слух о кошке, которая слабых и обездоленных защищает. Любит, дескать, она в позднее темное время гулять. Появляется из ниоткуда, по шерсти огненные искры прыгают, а потом исчезает без следа. И, если что, когти острые выпускает и негодяев по физиономии бьет! Одна девушка даже говорила, что лично с ней встречалась, что кошка ее от маньяка спасла. Но честно призналась, кошка была обычная, сиамка, поэтому девушке никто не поверил – сказали в полиции, повезло просто и никакого волшебства.

А Данетыч от полудня до шести вечера исправно практикует. Ходят к нему клиенты, и он, как и прежде, лишь «да» и «нет» говорит. И знают люди, что это только его личное мнение, а сами поступают, как считают нужным.

К началу времён

Мама схватила меня в охапку и побежала. На ходу я переполз на её спину и вцепился в твёрдые шейные зубцы. Сколько я себя помню, мы постоянно бежим. Бежим со всех лап. До сих пор не пойму, что мы сделали людям? Свободной земли навалом, всем хватит! Мы никого не трогаем, ни разу не причинили вреда человеку. А ведь могли бы! Еду у людей не отбираем – питаемся только плодами карделярии, которые непригодны им в пищу. Так они ещё узнали об этой нашей особенности и вырубают полезные деревья, обрекая меня и маму на голодную смерть! Или наоборот, специально оставляют рощи карделярии, чтобы заманить нас в ловушку. Мама изучила человеческие уловки и повадки, поэтому мы с ней до сих пор живы. Последние на свете драконы, больше никого не осталось. У нас замечательное обоняние, мы загодя чуюм людей и собак – наших врагов и безжалостных преследователей – и всегда уходим от погони.

Мама и папа единственные выжили после большой облавы на драконов, устроенной много лет назад. Тогда они были детьми, потом в скитаниях выросли, полюбили друг друга, и на свет появились мой старший братец и я. Я никогда не спрашивал, как погибли отец и брат. Маме и так тяжело. На её доброй морде постоянно застыло обеспокоенное выражение: как защитить, как накормить, как выжить. У меня сейчас самый неудобный возраст – летать не умею, крылышки махонькие, а вес уже большой, и маме трудно бегать и прыгать со мной на спине. Недавно мы еле спаслись от банды убийц, перелетев через реку. Мама немного не дотянула до берега, и пришлось шлёпать по воде, – повезло, что там было мелко.

Звуки погони затихли вдали. Мама остановилась и перевела дух. Я кубарем скатился на землю. Ещё немного, и я буду бегать так же быстро! Из брюшной сумки мама достала пару смятых плодов карделярии. Мы поели.

– Заметил, сынок, у них появилось новое оружие? Оно теперь стреляет дальше. Я видела, как ломались ветви деревьев! – в голосе мамы звучала грусть. – И грохот от него ужасный, у меня уши заложило!

– М-м-м? – пробурчал я, смакуя последние сочные кусочки.

– Не знаю, сынок, теперь, наверное, всё время придётся жить в лесу. На равнине мы слишком уязвимы. Среди деревьев легче укрыться... – она замолчала.

Я понимал, она думает, чем же мы будем питаться. Карделярии в лесу встречаются редко, их специально в начале времён вывели наши предки. А что было в начале времён? Мама почти ничего не знала о прошлом. Из разговоров взрослых она поняла, что когда-то драконы и люди жили мирно, бок о бок друг с другом. Что случилось, почему люди стали нашими лютыми врагами, маме не помнила. Она говорила мне о большом городе с высокими стенами и домами без крыш, об огромных садах карделярии и невероятном покое, когда не надо бежать сломя голову, опасаясь за свою жизнь.

Мы отдохнули, потом нашли ручей и напились вволю. Мама наполнила сумку водой, аккуратно загребая лапами и не пролив ни капли. Вот так мы и кочевали. Я потихоньку рос, и мог теперь даже без разбега пролететь небольшое расстояние. С недавних пор мне нравилось разглядывать своё отражение в попадающихся на пути водоёмах. До чего ж я был хорош! Зеленовато-коричневая чешуя на спине и боках отливала золотом. Я вытягивал лапку и любовался аккуратными коготками, выгибал шею – и взгляду предстал ровненький точёный ряд зубцов. Мама тоже гордилась мной. Особенно после того, как я спас нас от голодной смерти.

Тогда мы убежали очень далеко, пересекая ручьи и речушки, запутывая следы, и забрели туда, где росли совсем другие, непривычные деревья, и не было ни одной карделярии. Мы шли всё дальше и дальше, еле держась на ногах от голода и усталости. Хорошо, воды здесь было в изобилии. Но на одной воде долго не продержишься. Мама прилегла отдохнуть в тенёчке,

а я побрёл искать пищу. Взгляд мой упал на дерево, листья которого немного напоминали на вид листья карделярии. Я отщипнул веточку и осторожно разжевал. Рот наполнился горечью, захотелось выплюнуть незнакомую еду. Однако горечь быстро ушла, и новый резкий вкус мне даже понравился. После нескольких удачных проб я набрал разных растений и на задних лапах (брюшной сумки у меня не было) приковылял к маме. Она тихо спала, поджав лапы и хвост. Глядя на её измученную морду, худые бока, тусклую чешую, я думал, что теперь мне надо заботиться о ней. Когда мама проснулась, я поведал о своих находках.

– Значит, мы приспособились! – только и сказала она. Мы подождали ещё полдня, не будет ли мне плохо от съеденного, но всё обошлось. Мама попробовала новую пищу и тоже осталась жива-здорова. Сначала её немного подташнивало, но потом она радостно сообщила, что чувствует себя бодрее обычного. Теперь мы путешествовали без прежнего страха остаться голодными. В маминной сумке постоянно лежали запасы еды, и мы нашли ещё много съедобных растений. Люди продолжали отравлять нам жизнь, но теперь я не был для мамы обузой, и мы легко уходили от облав. Крылья выросли на диво большие, красивые и гладкие. Я взлетал над лесом, а мама смотрела в небо, прикрыв лапой глаза, и любовалась сыном. По её словам, так высоко ещё не поднимался ни один дракон.

Но настали холодные дни. Земля покрылась пеленой, образуемой падающими с неба белыми хлопьями. Мама сказала, что мы зашли в зону снегов, лежащую слишком далеко от мест нашего обычного обитания. Люди здесь носили другую одежду и охотились куда чаще. Лесные звери тоже были иные – покрытые мехом, – что часто стоило им жизни. Люди убивали бедолаг и укутывались в тёплые шкуры. На снегу следы выделялись особенно чётко, и скрываться становилось всё труднее и труднее. Люди ездили на повозках, запряжённых собаками. И они вовсю использовали новое смертоносное оружие – надо было быть вдвойне осторожными. Мама всё время мёрзла, а местные деревья имели мелкие и колючие листья, после которых долго болел живот и щипало во рту.

Мы решили искать дорогу назад. Ночами пересекали заснеженные равнины, скользили мимо людских поселений и скрывались в спасительных лесах. Стало немного теплее, но мы выбивались из сил от плохой еды и необходимости постоянно убегать от преследующих нас охотников. Снег прекратился, леса опять изменились, появилось много пищи. Но теперь меня беспокоила мама. Она страшно кашляла, исхудала и постоянно дрожала мелкой дрожью. Шла мама пошатываясь, и я подставлял ей плечо. Она любила солнце, но сейчас даже оно её не радовало.

Однажды на нашем пути попала уютная светлая полянка. Я наломал веток и помог маме удобно устроиться на зелёной шуршащей подстилке. В голове пронеслись грустные мысли... Если бы я был больше и сильнее, если бы мог защитить её... Внезапно из-за кустов вышла собака. Собак я не боялся. Любого пса можно отшвырнуть мощным пинком. Но за собаками приходили люди, а против их оружия мои лапы были бессильны. Эта собака пахла странно, потому-то я и не учуял опасность. Она не оскаливалась, не рычала, а просто подошла и села в траве, глядя на нас жёлтыми умными глазами. Потом она обернулась и рыкнула. Немного погодя из-за кустов появился человек. Он был высокий, худой, с серебристыми волосами. По его походке я догадался, что человек немолод, но пытается держаться прямо и бодро.

– Я слышал, что в лесу появились драконы. Хорошо, что Керг нашёл вас первым. – Человек говорил на драконьем языке.

Я открыл рот и смотрел на него во все глаза. Мама приподняла голову, в её усталом взгляде промелькнула надежда.

– Не бойтесь, мы не причиним вам зла, – продолжал старик мягко, – я вижу, твоя мать серьёзно больна и ей нужен покой и тепло!

Вот так мы познакомились с Владом и Кергом. Влад жил на лесном хуторе с женой Анной, дочерью Ари и двумя внуками. Муж Ари уехал в город на заработки и приезжал редко. У Ари

были грустные, как у моей мамы, глаза. Дети, брат и сестра, ещё не получили имён. Девочку звали Малышкой, а сына – Малым.

На драконьем языке говорили только Влад и Малый. Как оказалось, их предки принадлежали к древнему Ордену Дракона. Влад рассказывал, что в начале времён Орден играл большую роль во всех делах людей, но в результате трагических событий был распущен, а его члены объявлены еретиками и драконопоклонниками. Осталась горстка истинных приверженцев Ордена – они и передавали из поколения в поколение старую мудрость драконов и людей.

Нас разместили в тёплом сарае, и Анна с Ари готовили маме специальное питьё. Она медленно приходила в себя – уж больно изношен был организм, но женщины считали, что опасности для жизни нет. Керт оказался не собакой, а волком, приручённым Владом в щенячьем возрасте. Волков мы почему-то до этого ни разу не встречали. Керт не умел лаять, но я как-то увидел его в гневе и понял, что лай далеко не самое ужасное. Куда страшнее молчаливый оскал великолепных белых клыков.

Керт не раз оказывал нам услуги. Как-то он прибежал к Владу и принялся обеспокоено прыгать вокруг него. Старик велел мне идти к маме и исчез в доме. Через какое-то время к хутору подъехали несколько хорошо вооружённых всадников. Их собаки прыгали на ворота и истошно лаiali, но колья забора были поставлены так плотно, что они не могли протиснуться сквозь них. Мы в страхе глядели на эту сцену через маленькое окошко. На пороге дома появился Влад, он вёл за руки Малого и Малышку. К тому времени я немного понимал язык людей – Малый вечерами часто занимался со мной.

– Эй, хуторянин, собаки чувят дракона! – резко и повелительно обратился к хозяину человек на холёном коне в блестящей сбруе. – Ты видел здесь чудовищ?

Влад неожиданно отпустил детей и всплеснул руками. Во всём его облике проявилась несвойственная этому степенному человеку суетливость!

– Чудо, чудо, что я вижу здесь людей из города! – воскликнул он. – Ужасный дракон был здесь и плюнул на моего внука!

Он подтолкнул Малого вперёд, и я с удивлением увидел, что все неприкрытые одеждой части тела ребёнка обляпаны противной зелёной слизью. – Он поиграл с сестрёнкой, и она тоже покрылась этой мерзостью! Пожалуйста, сделайте что-нибудь! В городе много лекарей, помогите спасти мою семью! – тут он разрыдался. Малый очень правдоподобно пошатнулся, и Влад кинулся поддержать внука. – Господа, помогите! Не оставляйте нас!

– Сам виноват, – буркнул надменный всадник. Влад ещё тянул к нему руки, а компания уже развернулась и поскакала восвояси. Собаки, заразившись паническим настроением, молча понеслись следом. Тем более что из-за забора им широко улыбался Керт.

Влад с детьми бегом вернулись к дому. На крыльцо вышли женщины и увели «больных» мыться.

– Ничего, – сказал Влад, – сыпь пройдёт через пару дней.

Мама окончательно выздоровела. Она выходила гулять в лес, когда не чувствовала опасности. Да и Керт был настороже. Волк привязался к маме и всегда вертелся где-то неподалёку. Я сначала ревновал, а потом подумал, что пусть её окружает как можно больше любящих существ.

Вечерами мы собирались в сарае – дом был слишком мал для нас с мамой – и Влад или Малый доставали из сундука запрещённые книги на человеческом и драконьем языках.

«И явились в наш мир мудрые драконы, – читал вслух Малый потёртый увесистый фолиант. Я смотрел через его плечо, и странные закорючки складывались в полные смысла фразы. – И научили они людей быть стойкими и сильными перед стихиями, научили всему, что знали сами, а знали они премного. Но были они так добры и кротостью велики, что подумали худшие люди: а что таким верховодить нами. И стали они вооружаться и изгонять драконов из их

городов, каменными стенами обнесённых, а дома их просторные перестроены были и стали дворцами сильнейших из людишек этих подлых...»

Мама внимательно слушала и припоминала подробности, всплывавшие из памяти её детства. Читая старые книги, мы поняли, как настал закат драконьего мира. И хотя Влад объяснил, что не все люди ненавидят драконов и многие просто боятся идти против властей, было ясно – в ближайшие годы ничего хорошего нас не ждёт. Я быстро научился читать и говорить по-человечески, кроме того, мог читать и на драконьем языке, так как мама в свободные минуты наших скитаний учила меня грамоте.

Наши книги отличались от людских. Они состояли всего из одной страницы, очень плотной, но мягкой и гибкой, и читали их, прислонив лапу к правому нижнему углу. Тогда на белом фоне проступали буквы, а после того, как страница была прочитана, по тому же уголку щёлкали ещё раз. Наверное, Влад обладал уникальным экземпляром – большинство еретических книг было уничтожено во время последней крупной облавы, когда погибли мои бабушки и дедушки.

Меня часто охватывала злость: неужели сородичи не могли дать отпор зарвавшимся мерзавцам? Почему они до последнего надеялись, что люди одумаются и перестанут их преследовать? Если бы у меня была возможность, я бы отомстил. Мама считала иначе – говорила, драконы, наверное, не так как надо помогали людям, и если бы сами не сделали ошибок, то всё могло пойти иначе. Правда, какие ошибки сделали мои предки, мама не знала. Она у меня добрая, добрая и умная. А я с каждым днём ожесточался сердцем.

Мама полиняла, и её бронзовая чешуя красиво отливала на солнце и радовала глаз. Мы отъелись, окрепли и начали собираться в дорогу. Нельзя было подвергать единственных друзей опасности. В любую минуту могли появиться охотники на драконов, и номер с заразной болезнью уже не прошёл бы. Запомнился один случай. Тогда все ушли в лес собирать хворост. Мама старалась облегчить труд нашим хозяевам и помогала перевозить топливо на хутор. Дома остались лишь я и Малышка. Ничто не предвещало беды, как вдруг ветер донёс до меня запах человека и лошади. Пришлось спрятаться в сарае. Иногда заезжие путники заходили на хутор и просили пить или есть. Так что ничего необычного здесь не было. Сарай хорошо запирался изнутри, и я мог спокойно пересидеть, пока хозяева обслуживали незваного гостя.

Малышка открыла ворота, и во двор на гнедом коне въехал господин средних лет. Он спешил и вначале попросил накормить и напоить коня. Малышка забегала, засуетилась. Она, быстрая как птичка, сделала всё так споро и чётко, что я улыбнулся. Милая девчушка, совсем маленькая, а уже хлопчет как настоящая взрослая хозяйка! Господину это тоже пришлось по вкусу. Вскоре он уже сидел во дворе под навесом и пил домашнее вино. Я на некоторое время отвлёкся, как вдруг услышал крик Малышки. Я выглянул в оконце. Вся благовоспитанность и хорошие манеры слетели с приятного гостя. Он ухватил Малышку за горло, потом сгрёб её своими ручищами и попытался повалить на стол. Девочка ужом вывернулась и побежала к дому. Я оцепенел – злой человек настиг её, и Малышка застыла, в ужасе вжавшись в стену. В правой руке господин держал небольшой кинжал и поигрывал им перед носом у ребёнка. Что он ей говорил, я не слышал, но Малышка вдруг начала бессильно сползать на землю. Ноги сами вынесли меня из сарая. Два прыжка, и я уже стоял перед обернувшимся на звук негодяем. Не знаю, что на меня нашло. Где-то в глубине брюха стало горячо, потом жар шаром прокатился по пищеводу, и из горла вылетела белая струя пламени, поглотившая человека. Когда я пришёл в себя, на земле не было ничего кроме горстки пепла, а на стене дома темнело обгорелое пятно. Малышка лежала в обмороке. Я усадил девочку на крыльцо, принёс воды и аккуратно, совсем как моя мама, побрызгал на неё. Она постепенно пришла в себя.

– Не бойся, страшный человек убежал от меня без оглядки! – сказал я самым весёлым тоном. Что-то подсказывало мне, что правду ей лучше не знать. Малышка прижала ручку

к груди и несколько раз вздохнула. Потом она благодарно улыбнулась мне и, показывая кивком на одинокую лошадь, заметила:

– Даже коня забыл!

Когда вернулись взрослые, и девочка рассказала им о происшествии, все переглянулись. Если честно, я сам не ожидал, что способен изрыгать такой сильный огонь. Обычно мои попытки выдохнуть пламя заканчивались появлением небольшого жёлто-красного язычка. Лошадь убитого осталась на хуторе. По документам, найденным в седельных сумках, Влад установил, что человека вряд ли кто будет искать.

Мы должны были уйти, но каждый день откладывали этот момент. Не хотелось расставаться с семьёй, сделавшей столько добра. Они полюбили нас и всячески удерживали. Из города приехал Миген, муж Ари. Он испугался, увидев драконов, но Влад и Ари ему всё объяснили. Миген обходил нас стороной и, к огорчению жены и детей, довольно скоро отбыл назад. На второй день после его отъезда Ари сказала отцу, что муж видел в городе объявление – за сведения о драконе обещалась колоссальная сумма.

В тот же день мы выехали. За любую помощь, оказанную дракону, виновного ожидала суровое наказание. Хотя Миген успокаивал Ари, что его домочадцам ничего не грозит, Влад и Анна в это не верили. Расследование могло установить связь семьи с Орденом Дракона, поэтому риск был слишком велик, и одним тюремным заключением дело не обошлось бы. У нас оказалось несколько дней форы. Припасы и ценные вещи сложили на повозку, запряжённую хозяйской лошадью, правила ей Анна. Влад ехал на коне испепелённого мной господина с Малым за спиной. Керт бежал сам по себе. Рукодельница Ари сплела для нас с мамой хитроумную сбрую – в случае чего мы могли легко перенести всех по воздуху. Пока же на нас ехали Малышка и худенькая Ари. Драконьи книги были аккуратно уложены в мамину брюшную сумку. Мы чувствовали себя прекрасно. Мама даже летать стала почти так же хорошо как я.

Влад знал, куда ехать. Мы продвигались быстро и никого не встретили на пути. Через несколько дней я ночью вылетел на разведку. Недалеко от хутора светился огнями факелов лагерь охотников. А самого дома уже не было – пахло гарью, кое-где на пепелище вспыхивали красные искры. Влад оказался прав. Неужели Миген настолько туп, что не мог предвидеть страшную участь, уготованную его семье? Он же любил своих детей, был с ними добр и ласков! С тяжёлым сердцем я полетел обратно. Погоня нам не грозила – не зря Анна пожертвовала мешком особо ценной пряности – после нашего отъезда я долго кружил над окрестностями, рассыпая порошок, сбивающий собак со следа. Я так задумался, что не заметил, как вернулся обратно, ни разу не присев отдохнуть. Крылья несли меня легко и свободно.

Пока нам везло, и мы без приключений добрались до жилища ещё одного хранителя мудрости Ордена, дряхлого одинокого старика – он так и не смог найти спутницу жизни, которая могла бы разделить с ним тайну. От него мы первый раз услышали об Убежище и, покопавшись в драконьих книгах, обнаружили подробные указания, как его достичь. Отдохнув и подкрепившись, наша группа отправилась дальше. Отшельник поехал с нами. Его знания могли пригодиться, к тому же мы с мамой были последними драконами, так что миссия хранителя в этих землях завершилась.

Несколько раз мы пересекали равнины. Простые люди не нападали на нас, но вели себя настороженно. Я понял: одно дело, когда по равнине бегут два страшных чудовища, другое, – когда те же чудовища мирно путешествуют в компании людей. Малышка, удобно устроившись на моей спине, приветливо улыбалась шараявшимся в стороны путникам. Кое-кто даже махал нам вслед.

Встречались и охотники на драконов. Пара длинных языков ослепительного пламени приводила их в чувство, и они в панике бежали. Влад и Малый подбирали брошенные ружья и при появлении врагов брали их наизготовку.

Так мы достигли Убежища, находившегося высоко в горах. Пришлось бросить повозку, а лошади остались пастись на зелёных лугах. Вход в Убежище располагался на широком карнизе неприступной горы. Попасть туда можно было только по воздуху. Мы нерешительно сгрудились у края пропасти. От высоты захватывало дух.

– В обитель труден путь, но вдвое он короче, – сказал вдруг старец.

Мама посмотрела на него и продолжила:

– Всего прыжок один, и ты спасён, мой друг!

Без разбега взлетев, я приземлился, развернулся и пошёл обратно, ступая прямо по воздуху. Шаг, другой... Друзья молча смотрели на меня. Наконец, лапа зависла над бездной, пришлось отойти назад. Теперь нас разделял всего один прыжок, совершить который мог любой дракон. Мы с мамой быстро перенесли наших друзей на загадочный карниз. Малышка повизгивала от восторга, шагая по невидимой опоре, а Малый несколько раз подпрыгнул, проверяя её на прочность. Дети совсем не испугались! Никто из нас никогда не был в горах и теперь все пребывали в необыкновенно воодушевлённом настроении.

Вход выглядел незаметно для несведущего взора – тонкая продольная трещина в скале. Войти туда было непросто. В драконьей книге говорилось, что двери в Убежище открываются словом, но каким, мы долго не могли сообразить. Тут выручила мама – она вспомнила, как её родители когда-то говорили о родовом, третьем по счёту имени, дававшемся каждому дракону её клана. Она произнесла его, и массивные двери распахнулись, впуская нас внутрь горы. В нашем распоряжении оказались склады, забитые разнообразными продуктами. Мы обживали уютные комнаты, освещённые мягким искусственным светом. И люди и драконы находили их одинаково удобными. В нескольких больших залах хранились непонятные конструкции. В драконьих книгах встречались похожие чертежи и картинки, но что с ними делать, нам было невдомёк. Влад сказал, что чудеса в жизни случаются редко, и нам предстоит многому научиться.

Прошло несколько дней – сквозь замаскированные окна мы часто глазели на окружающую красоту. Выходить пока не было необходимости, к тому же страх всё-таки глубоко въелся в наши души. Я не мог поверить, что не надо никуда бежать, ни от кого скрываться. Здесь находился драконий дом, отсюда наш род спустился к людям, чтобы впоследствии нелепо и трагически погибнуть. Как же хотелось вернуться к началу времён и попробовать исправить ошибки!

Однажды, сидя в своей комнате, я услышал встревоженные крики. Сердце ухнуло куда-то вниз, я кинулся искать маму. Мы столкнулись в коридоре и побежали на шум. В самом большом зале уже собрались все люди. Они, задрав головы, следили, как откатывается в сторону верхняя часть внешней стены. В образовавшийся проём хлынул свежий холодный воздух, затем в зал влетел продолговатый предмет размером с пару взрослых драконов. Он плавно опустился в центре помещения. Мы отступили к дверям, готовые в любой момент бежать, заблокировав их паролем. Дверца на боку летающего экипажа открылась, и на пол спрыгнул человек в серебристо-серой одежде.

– Папа! – это кричала Малышка. Она первая узнала нашего гостя. Девочка стрелой кинулась к отцу и повисла у него на шее. Что тут началось! Все окружили Мигена, вопросы сыпались градом, он едва успевал отвечать. За несколько минут Ари успела сто раз поссориться и помириться с мужем, а Влад и Анна хором укоряли зятя за проявленное к ним недоверие. Неужели он не мог сказать, что он член Ордена!?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.